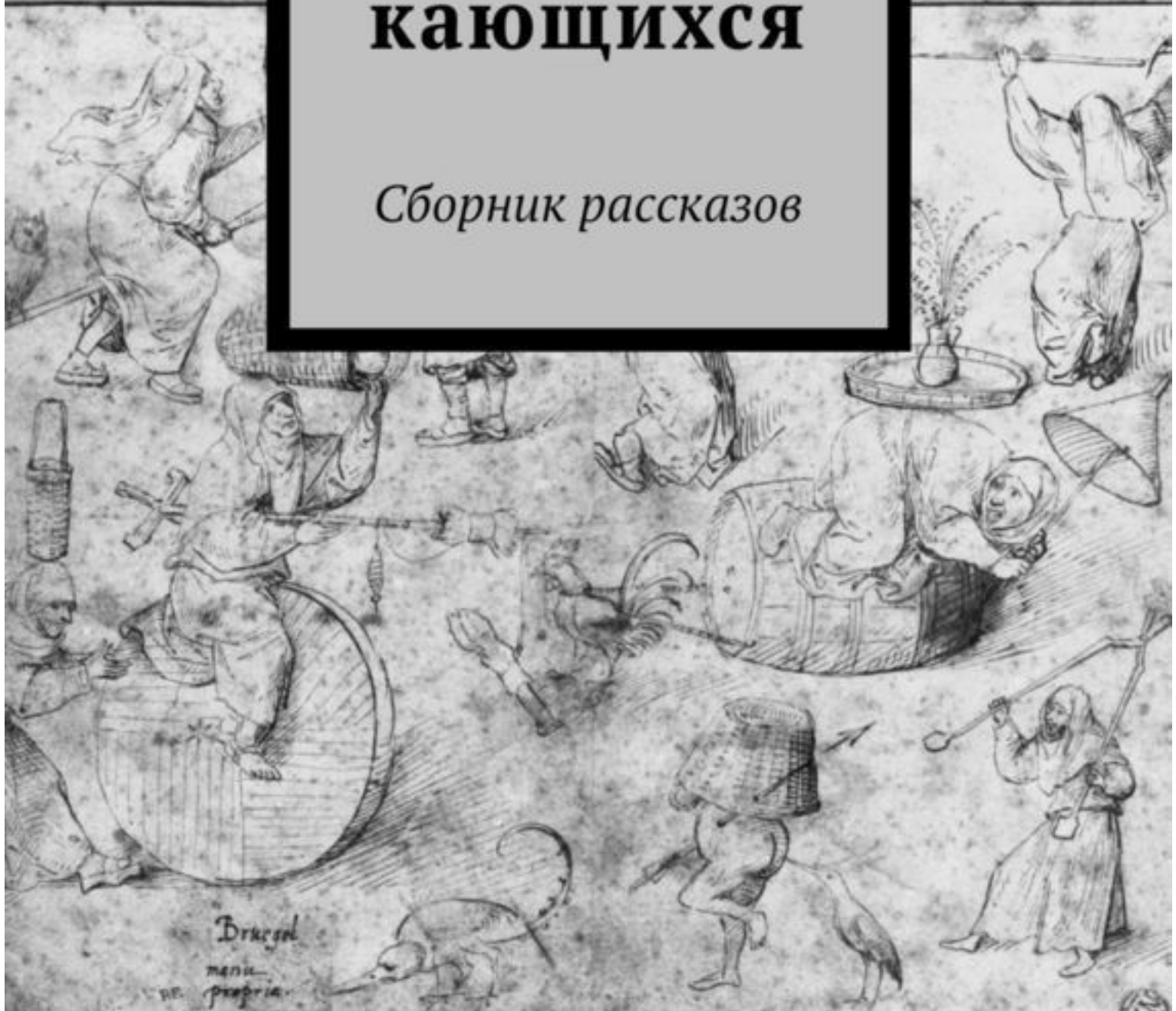

Олег Веденеев

Жизнь прес-мы- кающихся

Сборник рассказов

Олег Веденеев

**Жизнь прес-мы-кающихся.
Сборник рассказов**

«Издательские решения»

2015

Веденеев О. В.

Жизнь прес-мы-кающихся. Сборник рассказов / О. В. Веденеев — «Издательские решения», 2015

Два главных «героя» рассказов сборника «Жизнь прес-мы-кающихся», Власть и Личность, существуют в мире, где безраздельное торжество серости оказывается настолько извращённо ярким, что становится главным источником авторских фантазий: эротические мечты подменяют собою акт исполнения полномочий, чиновный новояз вырастает в культурный эталон, пьяный бред становится пророчеством. Мир пресмыкающихся замкнут, замурован аксиомами. Однако у его обитателей всегда есть шанс на поступок.

© Веденеев О. В., 2015

© Издательские решения, 2015

Содержание

Жабы и змеи	6
Интервью	9
Дауншифт	15
Исповедь	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Жизнь прес-мы-кающихся
Сборник рассказов
Олег Владимирович Веденеев

© Олег Владимирович Веденеев, 2015

© Босх А. Иероним, иллюстрации, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Жабы и змеи

«Все девочки жабы!» – трагически произнесла Ира, обидевшись на свою подругу Оксану. Это было сказано не для меня, а вообще. Но оказавшись свидетелем откровения, я тут же припомнил все, что знал о странностях женской дружбы. Ире сейчас 27. Оксане 29. Десятилетие тому назад они вместе начинали свой взрослый путь в комнатухе студенческой газеты «Сделай сам», где, бывало, размещались забавные интервью и со мною, на ту пору блиставшим в эфире одной местной радиостанции. Потом их пути надолго разошлись. Теперь Ира помощник координатора местного отделения одной известной политической партии, условно причисляемой к оппозиции. Растит ребенка – прекрасную волоокую Варвару, которую родила три года назад от пожилого семейного англичанина (жизнь свела их ненадолго, когда Ира работала в турфирме). Пишет релизы, со слов босса комментирует преходящие политические бури, ведет пресс-конференции (на одном таком пафосном в своей бессмысленности мероприятии я ее и встретил). Тем временем, Оксана сделала успешную карьеру в бизнесе, не без помощи знакомцев («комсомольцев», как она их называет – нестарых амбициозных мужиков, вышвырнутых из райкомов прямоком в предпринимательство, где они со своими способностями к коммуникациям и преимуществами ассоциированности с властью успешно прижились). У Оксаны есть все, о чем можно мечтать – издательские проекты, региональные вклады в серьезные федеральные СМИ, собственное информационное агентство. Наконец, «проектный мани-джмент» в виде подборки заказных, хорошо оплачиваемых провластных кампаний. И конечно, дочь – прекрасная чернобровая Елизавета, рожденная в браке от помощника «комсомольцев», толстобедрого Марка, нашедшего себя в маркетинге и немного в банкинге.

Из-за чего вышла размолвка, приведшая к жабьей теме, мне неизвестно. Может, чернобровая Елизавета поцарапала в песочнице волоокую Варвару? Может, Иру обидели чужие успехи, выжигающие тавро неудачника на челе всякого осознавшего собственную непрозорливость? (Десять лет назад и она могла сделать ставку на партию власти, но увлеклась мнимым джокером) Может, ей было по-женски неприятно физическое наличие мужа у подруги при отсутствии такового у нее самой? (Отметим, что в смысле семейных уз мистер Каммингс недалеко ушел от месяцами пропадавшего в Израиле Марка) Или Оксана со свежей пластикой на лице была недостаточно корректна в отношении давно не латанного Ириногo экстерьера? Какова бы ни была причина, ее следствием стал вывод, вербальный выплеск, поразивший меня своим глубокомыслием и философичностью. «Все девочки жабы» значило, что причисляя к племени земноводных губастую Оксану, объективная Ира и на себя примерила шкурку царевны-лягушки в ее болотной ипостаси. За что же такая нелюбовь к своему полу?

В отличие от Иры, потратившей несколько лет в забугорном «далёке», рост Оксаны происходил у меня на глазах. «Тучные нулевые» как на дрожжах разнесли вчерашнюю школьницу до бронзовеющей медиа-шефиссы городского масштаба. И чем влажнее были взгляды «комсомольцев», тем интенсивнее шла ее гальванизация. Такие карьеры делаются в «темноте», а утверждать что-то определенное, не держав свечку, сложно. Но заставляют задуматься полунамеки конкуренток, варившихся в том же котле нашего «комсомольского» медиахолдинга. («Не сплю, потому и не в эфире!» О, это сеет сомнения во всеядности жабьей природы!) Сомнительные реплики Оксаны долетали до меня как пазлы, расцвечивавшие собой там и сям ее загадочную картину: «Лучший источник информации – в постели у ньюсмейкера», «Успех любого текста всегда делает слово из трех букв». И, наконец, прозвучавшее во время памятного рандеву в кафе с моей искавшей тогда какую-нибудь работу «протеже» изречение, занесенное в цитатник ввиду предельной циничности: «Да, я переступаю через мораль, чтобы получить все и сразу!» Тем не менее, даже тогда, когда моя бедная Маша, отказавшаяся от той работы, поделилась деталями аудиенции, у меня бы язык не повернулся назвать Оксану

(Оксану Николаевну) «жабой». Скорее, она напоминала мне цветок с отдельными ядовитыми частями, нагло-броский и начисто лишенный всякого запаха. Слегка вдаваясь в интимные подробности, могу сказать, что именно полное отсутствие запаха больше всего и удивило меня в тот единственный далекий раз на приозерном семинаре союза молодежи, где нас, инструкторов-координаторов, по странной ошибке, к всеобщему хмыканью, поселили в одном двухместном номере, и глупо было не сдвинуть койки. И что вы думаете? Уже тогда рыхлые ноги, невыразительная фигура, мелкие зубы и жиденькие волосы а-ля пакля – все это растворялось шипящей панадольной пылью в огромной энергии осознающего краткость своей привлекательности двадцатилетнего суккуба. Она сжигала недостатки в пламени обаятельного самобичевания (представьте девушку, требующую называть себя «Пельменем»!), чтобы из пепла восстала новая Оксана, страшно уверенная в себе, готовая на многое, однако бездушная как пластмассовая герань.

Ира была другой – спокойной, стабильной, нордической. Эта блондинка с плечами пловчихи не смотрелась бы в виртуальном аквапарке чужеродным элементом. Моя Маша (мы тогда все близко общались) заметила, что у Иры лицо молодого Джона Леннона. Лично меня восемнадцатилетняя Ира удивила не столько глубоким знанием рока, сколько монументальностью фигуры ватерполистки, сексуальная ненасытность которых, как говорят, обусловлена особенностями этого игрового вида спорта. Она рассказывала, что бросила своего первого мужа из-за его увлечения эзотерикой, при этом прикусывала свою кукольную губку, и столько обиды было в этом движении, столько искреннего непонимания того, как можно променять ее выдающиеся прелести на хрустальные шары и какие-то скрижали. У Иры на этой почве развилась депрессия, приведшая к стойкому видению: ей казалось, что ее голова состоит из миллионов выдвижных ящичков, которые со скрипом открываются по своему хотению. Только бывший муж из сансары мог успокоить какофонию, поэтому она сделала себе интимную стрижку в виде его портрета с бородкой клинышком, чтобы всегда был под рукой. (Забегая вперед, скажу, что теперь там другой портрет).

«Любим одних, замуж выходим за других!» – еще одна фраза-пазл Оксаны всплывает в памяти. Кажется, тогда у нее было что-то с директором дорожного фонда (еще до суда над ним): он возил ее на Кипр, а женская часть редакции давилась завистью при виде обновок из очередного свежееоткрытого бутика. Ира же по ту пору гордилась тем, что отдалась известному телеведущему (ныне деятелю либеральной оппозиции, осрамленному в порнографическом ролике на ютьюбе). Но что тут такого? Простые грехи молодости, коллекцию которых перебирает как старые открытки с романтическими стихами всякая дама. И эти две расслабленные «Пино колада» матроны могли бы на досуге...

Но чу, звучит жабыя песнь!

...Готов ли морализатор и эстет, почуяв под пальцами восточно-благонное женское тело (согреешь в ладонях – услышишь запах), с омерзением отдернуть от него руку как от пупыристо-склизкой шкурки хладнокровного? Отнюдь! Лично я из всего жабьего, что удалось заметить за годы грешных утех, отметил только одинаково разводимые в стороны ноги в известной миссионерской позе, да знаменитый амплексус борьбы полов, когда дама зажата снизу. Впрочем, в моих исследованиях есть неучтенное измерение – время, оплавливающее тела как свечи. Давненько я не видел Иру и Оксану голыми! Но думаю, вряд ли за эти годы знакомые изгибы покрылись бородавками, что сделало бы жабыю терминологию уместной в их конкретном случае. Тогда ответьте мне, почему?

– Почему все девочки жабы?

Конечно, Ира уклонилась от ответа, таинственно улыбаясь, словно опасаясь, что неосторожное слово выудит на свет Божий всемирное лягушачье царство из затянутой илом мутной водицы бытия. Но и я не был шит лыком.

– Мальчики тоже жабы? – спросил я.

– Нет! – удивилась Ира. – Мальчики змеи.

Ее детсадовские метки полов все упрощали, но одновременно и усложняли. Например, к «комсомольцам» новоприбывший гад подходил идеально: их скользкость, извилины и яды помогли вступить во властный клубок, а один даже проклюнулся в Совете Федерации. Но взглянем шире: если к Отелло можно худо-бедно приклеить ярлык анаконды (хотя есть в этом что-то блатное), то как быть с Медузой Горгоной и еще одним греческим парнем по имени Лаокоон? Ведь неизвестно что хуже – быть убитым гадами при детях или делать из них по утрам «Бабетту», «Ирокез», «Маллет»...

Было в Ирином ответе и кое-что оправдывающее дочерей Евы, перелагающее с них ответственность за надкушенное в Эдемском саду яблоко, и, следовательно, делающее жаб жертвой.

Помню ужа, который при мне гонял стаю маленьких веселых лягушат по крохотному декоративному бассейну, составлявшему до сих пор их счастливую безопасную Вселенную. Два желтых пятна на торчащей из воды как набалдашник крохотной трости сетчатой голове, длинный раздвоенный, полный желания язык. И вот возмутилась вода, закипела от движений черной убийственной спирали, и бедняжки исчезли в гигантской, на тупой угол раскрывающейся пасти. Охота длилась не больше минуты, уцелел всего один, притворившийся мертвым, сидевший на суше, на самой каучуковой кромке, лягушонок, а спугнутый мною уж с теннисным шариком в брюхе пополз на полезный для пищеварения моцион.

Природа так устроила, что мальчики-змеи украшают (укрощают) жизнь своею слизью. У них она часто идет горлом. Я ежедневно замечаю следы их присутствия – в волглых мутностях на полу лифта, в узоре плевков на асфальте, в россыпи использованных резинок на общественном пляже (когда вдруг «не горлом»). Слизь не кровь, ее не жалко. Она даже оставляет место для своего рода тягучей романтики. Например, моя Маша была единственной, с кем у меня не было близости, но я не шипел слюной на сковородке, не раздувал капюшона, капая ядовитым топленым воском. Я томился сладко-тягостным ожиданием. А она, притаившись на ломкой каучуковой границе, отделявшей ее от меня и от другого змея, подававшего тогда большие надежды в сфере IT (за него она потом «удачно вышла замуж»), делала свой выбор звена в пищевой цепи, поводя туда-сюда горизонтальными зрачками в золотистой радужине. Выбор талисмана. Ведь глаз жабы – мечта поэта и негоцианта: меняет цвет, когда рядом недруг, и, между прочим, помогает от змеиных укусов. Прелестный набор для верной спутницы перспективного Чингачгука!

Но я отвлекся от Иры с Оксаной. На следующий день я встретил их вдвоем, гуляющими под ручку, с вооруженными совочками и ведерочками волоокой Варварой и чернобровой Елизаветой, мило беседующими подругами. Социализированными, успевшими преуспеть и обуржуазиться. Будучи искушенными годами жизни в террариуме серпентологами, они посчитали нужным не педалировать развитие пустяшного конфликта (причина которого так и осталась мне неизвестной) на радость разным чешуйчатым.

Жабы и господа, леди и змеи, ануры, квакши и прочие тритоны первых десятилетий двадцать первого века существуют в понятной системе координат, где очень ценится равновесие, где мутить воду – моветон, где в болотном бульоне неведения, между тем, ждет своего принца-часа спящая (дай Бог, не мертвая!) красавица-царевна – змеевидная энергия кундалини гиперборейского царства.

Интервью

Самый интересный уровень власти – региональный. Конечно, он далек от большой политики с ее невиданным размахом и абстракцией неопределенных горизонтов, когда управляешь непонятно чем, и это идеальное непонятно что периодически показывает тебе фигу из березок, и остается упиваться внешней политикой. Однако он и не настолько близок к земле с ее серыми буднями как уровень муниципальный, где вся интрига власти сводится к борьбе с текущими крышами и прорывами (правильно – «порывами», и наш герой это знал) труб канализации и водоснабжения и ямочному (правильно – «рамочному») ремонту дорожного покрытия. Определенно, руководить субъектом Российской Федерации гораздо интереснее. Есть простор для маневра, где необходимость прогибаться перед федеральными небожителями, спускающимися иногда с солнечной стороны облаков вниз на грешную землю, прекрасно уживается с возможностью удовлетворения собственных амбиций. Важно уметь получать удовольствие от этого двойственного положения встроенности в известную вертикаль, когда не только ты, но и тебя.

Губернатор прекрасно это умел. Можно сказать, что сама природа предназначила его для этой работы. Обладая типажом персонажа, сошедшего с картины художника-кубиста, он был тяжелый, рубленый, лысый. И если средний житель Непала бывает сделан непальцем и непалкой, то Василий Павианович был сработан по-нашему – топором и зубилом. Чувствовалась в этом нагромождении форм, к седьмому десятку ставших особенно грузными, большая лукавая энергия. Она лучилась в царственном имени, взрываясь в потрясающем отчестве – наследии безвестного деревенского грамотея, наградившего отца нашего героя мужским производным собственного сочинения от несуществующего женского имени Пава. И если Павиан (красавец то есть), оставаясь таковым по паспорту, в быту то и дело норовил опуститься до Павла, то подросток Вася-базилевс, в силу недостатка образования, этого вечного спутника упрямства и особой ревности к охранению традиций, годами стены головой прошибал за отцовский подарок, изымая Павиановича из скверного мира приматов. Железная воля и политическая гибкость (сам он говорил «гибучесть») составили его немалый потенциал. Когда этого требовали обстоятельства, 67-летний бывалый кабан в дорогом костюме умело подбирал клычки и начинал светиться светом задушевности. В другое время мог метать громы и молнии, к вящему ужасу подчиненных растворяя белки маленьких глаз на багровом фоне. Его здоровая сексуальность, запряженная строгой, уверенной во власти силикона над временем супругой, иногда прорывала блокаду, но выше дамбы никогда не подымалась, заставляя сублимировать и работать, работать и сублимировать. Однако слабость к невысоким полнозатым блондинкам не умирала с годами, будь они секретаршами или журналистками – последнее даже лучше, поскольку секретарши стареют у тебя на глазах, а журналистки всегда новы и свежи как третьекурсницы. Особенно сильно они цвели в «лихие девяностые», когда не старый еще, словоохотливый балагур Павианович нет-нет да и мелькал в глянцевах журналах – в разделах «Власть», «Авторитет», «Кого мы уважаем» и даже «Красивые люди», что было неправдой. Но шли годы. Жизнь становилась стабильнее. Волосы редели. Феи от журналистики улетали в свою прокуренную Фата Моргану.

То утро выдалось ранним. Губернатор приехал на работу первым, разбудив полицейского на вахте. Выпил чаю с роголиком, посмотрел информационные сводки; провел оперативку, пожурив сонных министров за опоздание. Потом погрузился в привычную чехарду дел, закрученную винтом служебного вертолета: открыл детский садик, грохнул бутылку дешевого шампанского о борт сухогруза, поздравил с юбилеем дорогого ветерана, записал на телевидении поздравительный ролик к национальному празднику. И, наконец, с ощущением честно отрабо-

танной смены вкусил за обедом плодов французской кухни, изящно приправленных («А кого стесняться?») несколькими рюмками кальвадоса.

Тихий час, который по неписаному правилу наступал после сытного обеда, губернатор проводил «в трудах»: полулежал, утопая в глубоком кресле за массивным дубовым столом, делая вид, что продирается сквозь канцелярские дебри документов. Когда сон проходил, пробовал сосредоточиться, подпирая тяжелый подбородок огромным кулачищем, но мысли путались, глаза слипались, лысая голова потела и блестела. Странная поза уложенного набок роденовского Мыслителя, напряженный взгляд свинячьих глазок, заключенных в изящную итальянскую оправу очков без диоптрий, движения заросших белыми волосами коротких пальцев-сосисок, торчащих из подпирającego голову-тыкву кулака... Этот вид пожилого молотобойца, на досуге решающего биквадратное уравнение, мог бы напугать ребенка.

Солнце-проказник вынырнуло из-за туч и пощекотало лысину. Павианович сладко, по-кошачьи, зевнул и послушал тишину. Пожевал губами воздух и вдруг, почуяв что-то шестым чувством, оторвал взгляд от бумаг, покосился на дверь.

– Заходи уже! – громко сказал губернатор. – Не бойся!

В дверном проеме показалась кудрявая голова, а затем и все остальные, рабочие органы секретарши Илоны. Он с удовольствием огладил глазками маленькую, фертильную, пышущую здоровьем, налитую ядреными соками жизни, крепкую как репка фигурку блондинки, спрятанную от него в короткую белую юбочку и белый же с буклями пиджачок, обнимающий необъятную грудь.

– Вы просили напомнить... – еле слышно, одними густо на помаженными красным губами зашептала секретарша, – ...И еще, в четыре у вас делегация из Ганы.

Настенные часы с кукушкой пробили трижды.

«Целый час еще... – подумал губернатор задним двором своего сознания, энергично носясь всем фасадом где-то в районе подвздошной впадинки Илоны в воображаемом прозрачном халатике, как вчера у той сдобной истребительницы кариеса в VIP-стоматологии, прилегшей на него так, что не понадобилось обезболивающее. – ...Что же ты лезешь с напоминаниями?»

Он и сам прекрасно помнил об африканцах. Еще бы! Договор с ними должен был оживить кондитерскую фабрику «Белочка» («Эх, директриса-хохотушка там ладная, шоколадная!»), на которую у Павиановича были виды. Преодолев косность законов экономической природы, «Белочка» должна была начать нести золотые яйца (в бюджет и немного в семью – не зря же супруга в составе учредителей), утерев тем самым нос воротившему его от шоколадного дупла несговорчивому швейцарскому инвестору! Ноу-хау было незатейливым, родом из 90-х: закупить какао-бобы у производителя, намолоть без посредников, поставить «Белочку» на крыло. («А там, глядишь, и вафельный „Мишутка“ подыметя!»)

От сладких мыслей засвербило в носу, глаза увлажнила слеза. Губернатор почуял позыв к чиханию и сдвинул брови. На его красной физиономии людоеда мгновенно произошла метаморфоза, заставившая Илону попятиться, мелко кланаясь, как гейша:

– Поняла-поняла, отменяем!

– Что отменяем? – встрепенулся губернатор, потеряв чих.

– Интервью...

Когда что-то выходило за рамки его понимания, Павианович, как всякий искушенный член клана профессиональных госуправленцев тут же проявлял к предмету повышенный интерес. Так сытый кот реагирует на шорох, заставляющий его вспомнить, что удел прирожденного убийцы не еда и сон, а охота и рыбалка. За каменным сувенирным выводком медведей, подаренных народными умельцами и используемых как пресс-папье, нашелся клочок бумаги с расписанием мероприятий на день, нарочно распечатанным мелким шрифтом (все-таки государственная тайна!)

«В самом деле. «15.00 – интервью СМИ».

– Интервьюс ми? – обратился он к Илоне.

Та кивнула:

– Пришли уже! Ждут!

Губернатор вдруг вспомнил всё. Как вечером получил из пресс-службы пачку листов с вопросами и своими ответами на них и даже просматривал перед сном, пытаясь запомнить ход своих мыслей и дивясь изобретательности пиарщиков, норовивших умастить его речь народными поговорками, цитатами великих и приличными анекдотами. «Ух, прям мас-совик-затейник!» – язвила лежащая рядом супруга, поглядывая одним глазом (второй был в клинике на ремонте) в шедевр служебного самиздата. Он вспомнил, как его пресс-секретарь, долговязый молодой парень с сумасшедшими глазами уверял, будто журналистика кончилась, и все передовицы пишут его сотрудники, а импровизации одобряются накануне, и если вдруг какой-нибудь сучок или задоринка проявят инициативу, то «снимем главного редактора», а не поможет – «закроем СМИ». Пока пышущий жаром молодости и жаждой чинов пресс-секретарь исполнял роль дурака-цербера, упивающегося своей властью над свободой слова, Павианович, авиационный техник по образованию, с упоением рассуждал о красотах стратосферы и радужных газовых шлейфах истребителей на фоне северного сияния, пересыпая словоизвержения цифрами и фактами. Выходило легко и красиво как винегрет с манной кашей – выходило в прайм-тайм! Годилось, хотя за последние две пятилетки журналист растерял зубы, захудосочил, съезжился вслед за тиражами, и, кажется, если и ел с руки, то уже не был способен переварить. Коллеги по губернаторскому корпусу тоже жаловались на СМИшников, говоря, что лицо четвертой власти стало («Ну, ладно бы женским, так ведь...») ...детским! Что тёлка в телеке не смотрят, что «бумагой» им и подтереться стыдно, и, мол, осталась одна надежда на интернет, где вроде собирается все прогрессивное. А один, из далекого шаманского региона, показал в Сибири на рыбалке «девок из интернета», вытворявших с чернокожими такие акробатические этюды, что ноутбук затрясся – дрогнула струнка. Порыскав по лысому черепу в поисках седины, лукавый бес ударил в ребро!

Вызвал пресс-секретаря к себе, жажнул рукой по столу так, что бедняга сошел с лица, поймав в воздухе пресс-папье с медведями:

– Где интернет?! Где мои рейтинги?! Для чего я блог веду в...

– ...В лайвджорнале, – трепетал подчиненный. – Месяц назад вы отменили в аккаунте премодерацию и набрали кучу лайков.

– Во чё творю! – рявкнул Павианович, не поняв ни слова. – Чтоб завтра! Мне! Из интернета! (пресс-секретарь пытался робко возражать) ...Хорошо, послезавтра! Но чтоб профессионалка!

Раздухарившись, он весь вчерашний день томился ожиданием встречи с представительницей прекрасной виртуальной половины СМИ и, видимо, перегорел, а сегодня расслабился, поддался старческой дремоте, усыпляющей даже базовые инстинкты...

Пока Илона мариновала гостью в приемной, он изучал справки, разложив их как столовый прибор. Искрой мелькнул в документах какой-то «кон-дом» (конечно, это был «дот-ком»). «Корреспондент Шмаль Ванесса Карловна». («Конечно, псевдоним. Звучит как «мамзель Нана».) Он еще дочитывал справку, когда, повинувшись воображению, перед глазами заструились в безумном канкане юбки, замелькали подвязки школьниц времен его детства и скрывающее нехитрые тайны нижнее бельишко. И вот на выхваченном софите из темноты мeste уже солирует «мамзель Шмаль»! Чаровница поворачивается к нему спиной, нагибается, задирает юбку, задорно двигает полушариями в лайкре, манит глазками из-под канотье и родинкой над пухленькой губой...

В мечты как в тонкий сон ворвался посторонний звук. Губернатор встрепенулся. В дверях стояла молодая женщина и тихонько стучала костяшками пальцев по косяку. («С хоро-

шей фигурой. Повыше Илоны. Только грудь поменьше, но это ее не портит. А взгляд дерзкий»..) Анна Романова, сотрудница пресс-службы. Пресс-секретарь прислал. («Сам побоялся, шельма!») Павианович сделал вид, что щурится на Романову по-отечески, хотя сам буквально ел ее своими сальными кабаньими глазами. («Ах, эти крепкие маленькие грудки, плоский животик, ноги биатлонистки!») Знай губернатор мифологию древних, он, пожалуй, сравнил бы Анну с Артемидой – богиней-охотницей, чья верная рука не раз выручала его на прямых теле-эфирах. Она вся светилась энергией, словно внутри ее мускулистого, спортивного тела под смугловатой кожей горела маленькая китайская фабрика фейерверков. Хотя карие глаза под белокурой прядью слегка косили, а на носу прописалась россыпь веснушек, она была прекрасна! И сегодня она пришла со Шмалью...

– Не волнуйтесь, все будет хорошо, – заверила Романова.

– Может, я как раз хочу поволноваться, – пококетничал с ней губернатор и обратился к Илоне: – Давай, зови уже!

Секретарша пошла к двери, покачивая бедрами и цокая каблучками. Знала, чертовка, что он всегда провожает ее взглядом, жадно щупая глазами филейную часть и точеные ножки. («Все-таки хорошо быть губернатором!») Павианович сглотнул слюну и молодежато крутанул кресло: кабинет закружился перед его глазами, в настенном зеркале отразился силуэт незнакомки.

И вот он, сладкий миг!

...Предупреждая момент вожаденной встречи, надо сказать несколько слов о том, что все женщины, до которых Павианович, как вы уже поняли, был охоч, ему самому, в силу возраста, частенько представлялись в извращенном кулинарном виде. Если родная жена давно стала бутербродом с ветчиной, то, узрев однажды в бассейне женскую сборную ЮАР по плаванию, он готов был поклясться, что знает, сколько ванили в каждом из этих эклеров. Романова вызывала ассоциацию с сочным цыпленком на гриле, Илона – с ромовой бабой, ароматную рыхлость которой компенсировала мармеладка. И вдруг... Увидев Шмаль, губернатор скрипел так, как будто его заставили съесть лимон!

Редко, но встречаются на среднерусской возвышенности этакие подбитые экземпляры, чей внешний вид отражает состояние их души. Они определенно женского рода, но неопределенного возраста. Предпочитают нормальной одежде жутко модные в их понимании обноски. У них вечно сползает с плеча бретелька. Фигура подростка, но шея и огрубевшая кожа рук выдают зрелую женщину. Рот приоткрыт в страдальческой полуулыбке, за тонкими губами виднеются желтенькие зубки. Глаза спрятаны под очками. Шмаль закрыта, зашорена, замурована, живет своей секретной жизнью, в которой она также несвободна, обременена неврозом, прорывающимся наружу неухоженными ногтями и кутикулами. Она боится признаться в том, что это не от избытка творческой энергии, а от недостатка мужчины. Она имеет «гордость», размер которой пропорционален количеству глупости под перхотью.

Одного взгляда на фото Шмали в журналистском удостоверении было достаточно для осознания глубины кризиса профессии. Шокированное либидо засосало под ложечкой. «Вот раньше был журналист! То в храме с бабой сфотографируют, то в бане с крестом!» – думал губернатор. Конечно, с тех пор многое изменилось, и пресса стала куда покладистей служить обществу. Почти также как еще раньше, когда интернета не было в помине, газеты печатались черным по белому, а голова молодого Павиановича, первого секретаря, была покрыта волосами и занята агитацией, хлебозаготовками и тепловыми контурами.

Он пожал протянутую ему холодную лапку.

– Губернатор. Присаживайтесь, Ванесса, э-э...

...И сразу почувствовал неудобство как всякий приличный, здоровый, полный сил человек, оказавшийся в хосписе с умирающими. Неловко ему было за то, что вот он сидит в уютном кабинете, час назад отобедал с возлияниями, потом откушал кофе со сливками из облитой

золотом расписной чашки. После переговоров с африканцами, с которыми всё на бобах, выпьет чайку со своим замом, вызовет водителя, и поедут они на загородную дачу, где их ждут жены, а там рыбалка. («А на выходные махнем в Прагу!») Жизнь полнокровная. («Чего не хватит, пошлем гонцов!») И все у него, включая ганцев, в шоколаде. А тут вдруг Шмаль...

Пауза затянулась.

– Ванесса Карловна, хотите экскурсию по кабинету губернатора? – вмешалась Романова, заговорщически подмигнув.

Был у них такой отработанный приемчик, чтобы снять напряжение перед сложным разговором. Хотя чего уж тут. Интервью этому «Доту» не отличалось острыми вопросами. Так, текучка. («Да они в редакции рады, что вообще сюда попали!»)

Шмаль категорически отказалась от экскурсии. Села в кресло, вынула из кармана ручки, карандаши, блокнот, начала что-то писать. Подобранные бабушкиным гребнем волосы цвета мочалки и ворох пластмассовых браслетов на запястье подрагивали в такт движениям руки. Было слышно, как скрипит шарик авторучки.

Губернатор недоуменно переглядывался со своей пиарщицей.

– Итак, пожалуйста, первый вопрос... – строго сказала Анна.

Шмаль замерла, согнувшись крючком над блокнотом, как спортсменка на старте. Вдруг что-то вспомнила и лихорадочным движением выдернула откуда-то из собственных недр диктофон.

Время шло. Тишина становилась гнетущей.

Романова кашлянула пару раз, но, поняв бесполезность намеков, взяла на себя роль ведущей: заглянула в шпаргалку, прочитала вопрос. Павианович осторожно начал ей отвечать, опасливо поглядывая на странную гостью и думая, что перед следующим интервью обязательно заставит Илону убрать со стола все острые предметы, но быстро увлекся, позабыв о загадочной Шмали. Однако та скоро сама заставила о себе вспомнить, знаками показав Романовой, что у нее закончился блокнот. Удовлетворяя естественную потребность журналиста, ей дали чистой бумаги.

Разбредив красноречие, войдя в раж и продолжая говорить, губернатор встал, зашел со спины и попробовал заглянуть в записи гостя, но Ванесса Карловна быстро прикрыла их рукой. Тогда Павианович стал нарезать вокруг нее круги, сужая их в диаметре, набрасывая воображаемое лассо и иногда нависая, но Ванесса Карловна ни разу не спасовала – одновременно двигая корпус вперед, при каждом подходе закрывала записи всем телом, иногда почти касаясь носом стола. Это было необычно и интересно...

Через сорок минут все заявленные темы были исчерпаны.

Глядя в стол немигающим взором, Шмаль собрала свои записи и беззвучно откланялась. Щёлк выключаемого диктофона произвел на губернатора гнетущее впечатление, он вдруг потерял алгоритм, превратившись в алмазную иглу на пластинке, принужденную прыгать на одном месте. И этой царапиной на виниле была Шмаль. Павианович говорил и говорил – складно, но все больше напоминая самому себе червячка из советского мультика, поющего на пеньке бесконечную песенку о дружбе. Деревянное лицо Ванессы Карловны оставалось бесстрастным, и это напрягало, даже пугало! Она пятилась от него по-рачьи задом-наперед, заставляя сомневаться и гадать, что этот робот напишет в своем интернете.

– ...Ведь пресса барометр общественных настроений!

«Барометр» кивал, вытягивая цыплячью шею, и шаркал ногой по паркету, всем своим видом вызывая предположение, что приборчик-то с порчинкой.

– Не нравится мне это! – мрачно сказал губернатор, когда за Шмальной закрылась двойная, фальшивого бука дверь приемной.

– Все под контролем! – заверила Романова.

Ее глаза лучились солнцем и счастьем.

Без пяти минут четыре в зале приема официальных делегаций, расположенном по соседству, на одном этаже с губернаторским кабинетом, забили барабаны, приветствуя гостей из братской Ганы.

Романова ойкнула и всплеснула руками:

– Чуть не забыла! Список награждаемых журналистов! За вклад в развитие свободы слова! Подпишите, Василий Павианович!

Губернатор сделал вид, что просматривает фамилии.

– Шмаль тоже тут?

Романова кивнула.

– Три минуты, – бесстрастно как автомат напомнила Илона.

Паркер блеснул золотым пером, оставив на документе витиеватое факсимиле.

– Идите, работайте! – притворно строго буркнул красавицам Павианович, скользнул глазом по их выдающимся ягодицам и подумал: «...Хорошо вам! А мне еще с неграми кувыр-каться!»

Дауншифт

Вообще-то Святкин был спортсменом, а заместителем губернатора стал, можно сказать, случайно. Когда его спортивная карьера подошла к логическому концу (великий возраст и травмы доконали надежды выиграть хоть что-то у молодых, дышавших в спину и давивших на пятки) он подался во власть. «Чемпион же, не хрен собачий!» Так он думал, принимая это непростое решение. Можно было, конечно, заняться бизнесом или перейти на тренерскую работу. Звали. Но второе было слишком хлопотно, а первое – еще хлопотнее. Вот Святкин и решил пойти по пути наименьшего сопротивления. К тому времени он окончил заочно (за деньги) какой-то вуз, выучив к госэкзаменам его название и, разминая хрустящие корочки новенького, пахнувшего типографской краской и клеєм диплома, вошел в коридоры власти, где его встретили чин чинарём. Спортивные заслуги, казавшиеся ему прошлогодним снегом, здесь, «в коридорах», вдруг оказались источником бесконечного восторга его новых пьяно-галдящих простодушно-радушных друзей. Но главное, что вымученные ведрами пота побрякушки, чехарда кубково-медальных сувениров, произвели неизгладимое впечатление на руководителя, долго жавшего экс-чемпиону руку. Так у Святкина появилась «рука». Волосатая и пронырливая как акула, знавшая ходы из «коридоров» в тайные «подвалы», где бульдоги рвут друг друга под ковром, выбрасывая трупы на поверхность; имевшая большие планы и потому собиравшая под пальмой растопыренных перлов верных и преданных единомышленников, «членов команды».

Говорят, и камешек на одном месте травкой обрастает. Святкин за несколько лет в министерстве дорос до начальника отдела. Работа ему не сильно досаждала. Болельщики млели от одного упоминания его имени и смотрели в рот. Ну, а с безумцами, далекими от мира спорта, можно было вообще общаться жестами – понимали не хуже ребят из сборной Монголии.

Появилось свободное время, в которое Святкин совершил прорыв в личной жизни. Тут надо пояснить. Раньше, отдавая все силы спорту, Святкин, по совету тренера, не растрчивал себя на пустяки. И... втянулся. Плюс ни грамма алкоголя и ни капли никотина. Так возник хронический сперматоксикоз, возносивший героя на высшие ступени пьедестала. Став чиновником, пробовал развязать, да узелок, видать, был затянут накрепко. Вот и ходил одинокий, розовощекий как китайский мандарин, доводя до исступления, до дрожи, мечтавших отдаться здоровяку свободных сотрудниц своим пышущим тридцатилетним здоровьем.

– Как монах! – пошутил однажды шеф.

– Да ну нах, – отмахнулся Святкин.

Но тот объяснил ему по-нашему, по-простому, что каждому свистку нужна белка, сверчку шесток, а дырке затычка. И не надо быть Сократом, Аристотелем и Платоном, чтобы понять, что ему, Святкину, пора изменить свое семейное положение. И что он, его руководитель, конечно, тоже не Владимир Мономах, но и ему яснее ясного, что пора бы чемпиону остепениться. В противном случае у товарищей сложится превратное мнение и ложное впечатление об ориентации его жизненных ценностей и будет очень сложно доказать, что стрелка компаса показывает куда надо, а налитое яблочко совсем не жаждет стать гомогенизированным пюре.

– Не знаю первых троих товарищей, – сказал Святкин, смотря прямо в глаза руководителю своими ясными голубыми очами. – Но этот Владимир... Как его -нах? Из финансового отдела?

Шеф попробовал объяснить менее красноречиво, но вышло еще более витиевато. Выслушивая тираду, Святкин откровенно скучал. Машинально взял пузырек синего стекла и начал катать его по столу начальника. Небесного цвета колпачок развернулся, и из склянки посыпались фиолетовые в крапинку пилюли.

– Не балуй! – одернул его шеф, сгребая таблетки в ладонь. – ... Так и быть, скажу прямо! Есть у меня для тебя один вариант! Не баба, а ягода! Гонобабель! Познакомить?!

– На кой? – удивился Святкин.

– Женись! А я спляшу на свадьбе пасодобль!

Так Святкин прирос женой-красавицей, неизменно притягивающей к себе мужские взгляды. Но это его не смущало. Сознание привыкло рационально подчинять всего Святкина высшей цели, решению сверхзадачи, работе на победу. Ревности здесь не было места, а толстокожесть новоиспеченного мужа, повинувшись могучему закону притяжения противоположностей, с лихвой компенсировалась сверхпроницательностью жены, не перестававшей снимать медовый урожай с лапок бесчисленных поклонников. Сам шеф, изрядно выпив на свадьбе, так смотрел на невесту влажными глазами, что только круглый дурак или аскет вроде Святкина мог не понять, что зритель уже видел эту актрису в кинофильме для взрослых и остался глубоко удовлетворен.

Когда через полгода знакомства жена родила ему сынишку, Святкин подумал, что был неплохим спринтером. Но спорт остался в прошлом, а в настоящем была семья, которая гарантировала быт и уют, регулярное питание и облегчавшие чресла гигиенические процедуры. Семья сделала его жизнь стабильной, даже немного скучной. Работа – дом, а между ними СМС, извещающие об очередном поступлении средств на банковский счет.

Очень скоро шеф получил новое назначение – губернатором в недалекий регион, куда бывший экс-чемпион, а ныне чиновник, вслед за ним въехал на белой служебной «Волге» уже не третьесортным «крапивным семенем», а замом главы области. На новом посту Святкин отвечал за внутреннюю политику и курировал связи с общественностью. Магические пертурбации должны были превратить плевелу в доброе семя, обязанное (по долгу службы) взращивать разумное, доброе, вечное. Должность заставляла появляться в эфире местных телеканалов, убогость которых до поры до времени скрашивала косноязычие и недалекие мысли нового заместителя губернатора. Однако Святкин был достаточно сообразителен, чтобы понять, что лексикон грузчика не прибавляет ему популярности. Под прицелом телекамер его ветхие фразеологизмы превращались в камни-голыши, застревавшие в глотке всякий раз, когда требовалось дать комментарий. Правда, хорошо выходили интервью: получив на руки чудовищное многообразие ответов в виде любимых святкиных «да» и «нет», журналисты писали, что зам первого лица слов на ветер не бросает.

Но проблема была и не давала покоя. И оставалось только удивляться и завидовать шефу, который на любом мероприятии мог сходу, с места, без бумажки, весомо и убедительно, добавляя баску в голосе, вставить нужную фразу как слово в песню, как лыко в строку. Ах, какие он толкал речуги! Иной интеллигент, заслушавшись, закрывал глаза от удовольствия, настолько складно и плавно текла его речь, перемежаемая цитатами из великих неизвестных, мудростью веков и страшно близкими народу выражениями, которые всякий раз брались из ниоткуда и с обаянием навозной кучи, с брызгами зловонной жижи, плюхались посреди стола, предвзрительно уставленного языковыми яствами.

«Уф, круто!» – восхищенно думал Святкин, подбирая под рукоплескания обожающей шефа аудитории собственный подбородок, и крутил головой по сторонам, борясь с навязчивым желанием заорать: «Это мой начальник! Мой!» Иногда, сразу после таких выступлений, боясь захлебнуться пылким юношеским восторгом, он врвался в приемную, открывал ногой дверь губернаторского кабинета, чтобы обаятельным мычанием выразить восхищение, а потом, потирая вспотевшие руки, робко спросить: «Где вы этого набрались?» Но шеф в ответ только посмеивался, да иногда чуть заметно косился на висящий за его спиной портрет.

Однако Святкин был настойчив и однажды получил адресок. С тех пор замгубернатора зачастил в Москву, где тайно (вызывая подозрения у супруги своими отлучками) брал уроки риторики.

Профессор словесности Кальценбоген крепко знал свое дело. Прежде всего, он отучил Святкина говорить с полным ртом слюны, брызжа и шамкая. Потом заставил четко выговаривать слова, чтоб буква к букве: «...Мама мыла пилораму!» Требовал изжить паразитов – «будто», «кабы», «допустим», «почто». Месяца не прошло, как Святкин перестал тянуть после каждой фразы «во-о-о-о-от!», позволявшее ему сосредоточиться и кое-как загнать непокорные, разбегавшиеся слова в предложения. Но назвать это прогрессом язык не поворачивался. Например, наш Демосфен никак не мог избавиться от навязчивого, липкого словечка «нах». Говорят, что привычка вторая натура. Его же естество, закаленное в спортивных баталиях, было просто железобетонным! Бывало, Кальценбоген писал мелом на доске, заставляя повторять вслух за ним: «Мох, мех, мух, нюх». Потом выводил молча зловердное «нах», и глядя через плечо на Святкина, несколько раз энергично зачеркивал его, так что мел крошился под пальцами.

Профессор потел, ученик кряхтел, но эффекта не было.

– Собелись, тляпка! – кричал, делая страшные глаза, Кальценбоген, но когда случайно узнал, что Святкин голыми руками легко завязывает в узел кочергу, учел возможные риски и отказался от этой методы.

Старик долго раздумывал, стуча пальцами по столу, почесывая свою козлиную бородку. Потом полез на стеллажи с книгами, откуда едва не свалился с криком «Эвлика!» Подхвативший его замгубернатора получил в награду книжку и указание: выучить «от сих до сих». «Как это поможет от нах?» – недоумевал Святкин. Но профессор был дока, языковед, знаток русской души, которую не взять нахрапом, но вот обходным маневром – можно! Он сумел убедить Святкина, и теперь тот каждую свободную минуту, как мантру, как молитву повторял слова из заветной книжки. Доверяя аутотренингу, до мокрых подмышек и судорог в икрах работал над собой, расслабляя свою стальную суть, размягчая дубовый язык.

Доупражнялся до тематических сновидений! Снилось ему, что лежит он на одре, и вроде как помер, но все видит и все соображает. И лежит он в покойнице больницы родного села в Подмосковье, куда в детстве забирался поглазеть на жмуриков. Лежит себе, а вокруг трупаки. Смотрят на него и улыбаются. И весь он какой-то жалкий и голый. И холодно ему, и пятка чешется, а дотянуться и почесать нет никакой возможности. Вокруг одра ходит губернатор в шляпе и кардинальской мантии из фильма «Три мушкетера» и кадит кадилом так, что от дыма глаза щиплет. А сверху, из-под потолка, смотрит на них всевидящим оком Саваофа профессор Кальценбоген, грозит перстом и говорит нараспев:

– Дай, Пушкин, мне свою певуучесть,

Свою раскованную речь,

Свою пленительную ууучасть —

Как бы шая, глаголом жечь!

– Я... это самое! Выучил! Как договаривались, «от сих до сих»! – хочет крикнуть во сне Святкин, а рта раскрыть не может; ни рукой, ни ногой шевельнуть – ну, чисто паралитик!

– Училась ли ты на ночь, Дездемона?! – вдруг грозно спрашивает старик сверху, протягивая руку, чтобы забрать платок подаваемый губернатором, и лицо его стремительно чернеет.

– Учил! Зуб даю нах! – дико кричит Святкин. – ... Дай, Лермонтов, свой желчный взгляд! ... Некрасов, боль иссЕченной музы! ... Блок, крылья! ... Пастернак? Мотор!

– Какой еще мотор?! – вопрошает с потолка негр Кальценбоген.

– Пламенный нах... – лепечет Святкин, понимая, что всё – это конец! Поплыл! Провалялся! Незачёт без права пересдачи!

В этом месте он проснулся, обнаружив, что лежит на постели в собственной квартире в центре города, а рядом – живая жена сопит в две дырочки, стянув с него одеяло, забыв замять в пепельнице дымящийся окурок ее всегдашней ночной сигариллы.

После двух месяцев упорных занятий язык его все-таки здорового полегчал: слова, толкаясь и тесня друг друга, неслись бодрыми слонопотами к устью – к ротовому отверстию, что доставляло вящее педагогическое удовольствие Кальценбогену. Такое испытывает эгоцентричный эскулап, уверенный вначале, что пациент безнадежен, и приписывающий после себе заслугу природы, распорядившейся на время отставить неизбежный биологический конец. Все чаще на занятиях профессор довольно тряс головой, заставляя трепыхаться свою козлиную бородку: «Ваш шеф пледуплеждал меня, что сполтсмены имеют потенциал!»

И было все у Святкина на мази до того момента, пока он не покидал аудитории. Переступая порог, выходя в реальный мир, далекий от изысканных профессорских фантазий («Кукушка кукушонку купила капюшон!»), он мгновенно начинал чувствовать свою незащищенность и уязвимость. Пыльный ветер свободы живительной пескоструйкой сдирал с его сущности налипшие стараниями Кальценбогена интеллигентские обмылки, и все начиналось сызнова: «Политика администрации (нах) направлена на преодоление (нах) недостатков (нах), которые (надо признать – нах) имеют место в отдельн (ых) территории (ях)». Мухи дохли на лету, и Святкин зорче всех видел, как вместе с их скукоженными лапками и крылышками сгорают в огне отчаяния его надежды.

Он нервно кусал ноготь, сплевывал, потом смотрел в зеркало и чувствовал себя уродом. Не физическим, конечно. Благодаря успехам в десятиборье он был прекрасно, атлетически развит. Сняв рубашку, он рассматривал себя и недоумевал. Эти бугры мышц. Эта крепкая голова с покатым лбом, с мужественным профилем викинга. Зачем она? Чтобы ею есть?! Лобные доли, серое вещество, мозжечок, гипофиз и прочая требуха, притаившаяся за костью черепа, отказывала ему в такой малости как красноречие. Теперь он ненавидел себя за физические достоинства и готов был отдать все это без остатка за возможность развязать язык. Златоуст, по утверждению Кальценбогена, сидевший в каждом, оказался в нем спрятан слишком глубоко – еще в детстве он спустился в тайную шахту его души, а попытавшись подняться, застрял в лифте.

– Вы плосто зажмультесь, и начните говолить лечь как песню – на вдохновении, на эмоциях! – учил Кальценбоген.

Святкин переспрашивал куда лечь, потом понимал, кивал, зажмурился:

– Дорогие друзья! (кхм) Сегодня, в день славного юбилея... (нах снова был подавлен усилием воли) Каждый из нас не просто смотрит на свой регион... (пауза) Он...

– ... Чувствует, – подсказывал профессор. – Ну-ну!

– Чувствует себя...

– Холошо! Кем чувствует? – подначивал кудесник слова.

– Частицей единой... – мучение отражалось на лице Святкина, и с гримасой боли он выдыхал: – Не могу нах!

– Надо лаботать над лечью! И все будет хо-ло-шо!

Бородач забирал свой гонорар, а красный от натуги Святкин опять подставлял лицо пыльному ветру и беззлобно думал: «Сам-то ты, падла, „рэ“ не выговариваешь! А нате-ка, профессор!»

Никогда еще Святкину не приходилось так напрягать свой речевой аппарат. Для него стало откровением, что губы и язык, эти бледные тени бицепсов и трицепсов, можно, а в его случае нужно упражнять, тренировать, накачивая силой и мощью живого слова. Каждое утро после зарядки и бритья он на полчаса запирался в туалете и... упражнялся. «Ыых! Оу-оу! Вау! Ммм-ммм!» – эхом несло многократно повторенное, пока Святкин старательно выворачивал губы, вытягивал язык и ставил его ребром, помогая себе пальцами. «Карл у Клары угнал МакЛарен, а Клара у Карла угнала Корвет... Кромсал короед кору карельской берёзы... Чиновники чаевничали чаем по-чиновничьи...» И так до тех пор, пока жена и дети (а их к тому времени было уже двое) не начинали стучать в дверь, требуя плановой встречи с унитазом.

Из абсолютной неспособности к импровизации вытанцовывался невеселый диагноз. У Святкина начиналась депрессия. Проклятое косноязычие грозило стать не просто тормозом на пути его блестящей карьеры – бетонной балкой на рельсах! Но вот что странно, оно никогда не мешало его общению с шефом. Конечно, на трибуне, перед телекамерами языкастый губернатор умел собраться и выдать на-гора хоть фразу, хоть целую речь – несколько шероховатую с точки зрения просвещенных носителей русского языка с еврейскими фамилиями, но необычайно эмоциональную, удобоваримую, «нашу». На этом его языковая разница со Святкиным и заканчивалась. В спокойной деловой обстановке шеф всегда переходил на особый сленг, ставший в постпацанской России, управляемой в массе своей выпускниками советских техникумов, чем-то вроде аналога французского языка русского дворянства. Сленг этот, состоящий из штампов, клише, канцеляризмов, площадной брани, обрывков сальных анекдотов, сторонних слов и звуков, не всегда человеческих, между прочим, позволял Святкину свободно общаться с любым представителем власти. Из чего следовало, что это и есть язык современной элиты, вкусно звучащий в больших кабинетах. Вот и сейчас, пока Святкин поднимался с третьего этажа к шефу на пятый, он пару раз услышал как зрелые люди в немалых чинах, обсуждая актуальные вопросы современности, поминали Гренобль и его констеблей. На фоне этой властной мощи языковед Кальценбоген блек и съезжился, а его экзерсисы представлялись сущей блажью. Именно этим откровением и собирался поделиться Святкин со своим руководителем, а теперь еще и лучшим другом. Ворвался без доклада и, смешивая слоги с жестами, сказал все, что думает.

– Не горячись, Дима! – улыбнулся ему шеф, убирая в ящик стола знакомую синюю склянку. – Слушай Кальценбогена. Я через него жизнь понял! А то, что не получается, так ты не один такой. «...Мы все учились понемногу, чему-нибудь и как-нибудь!»

На лице Святкина отражалось непонимание. Для донесения мысли до цели требовался некий дауншифт. Губернатор подмигнул своему заму («Щас-щас, погоди, от совещания отойду»), зашел за ширмочку в углу кабинета и, пошуровав там, тут же вышел, совершая странные пассы руками и потирая виски пальцами.

– Это... Вот чё... Слушай сюда... – начал шеф, и со второй попытки Святкин все прекрасно понял. Что губернатор тоже человек слабый, хотя виду не показывает, бодрится. Что сам он брал уроки Кальценбогена и не пожалел, хотя и не смог до конца избавиться от привычки вставлять через слово «бль», отчего самыми безобидными в его устах остаются лишь «ансамбль» и «дирижабль». И что сильный политик, каковым он планирует сделать Святкина, не должен мимикрировать под гнилую интеллигенцию, но знать ее повадки обязан, чтобы вовремя почуять подвох и принять меры против пятой колонны, вечно недовольной родным пепелищем и отеческими гробами. И, наконец, главное – что через месяц в столице будет крупное собрание общественников-правозащитников-третьесекторовцев, на котором ему, Святкину, поручено сделать доклад («Текст напишут, не ссы!») И, что, хотя они там все псы, педерасты и лесбиянки, ударить в грязь лицом негоже! Поэтому придется шпарить на шабаше без бумажки. И только попробуй облажайся! Чемпионские регалии не помогут.

С того дня Святкин завел себе дембельский календарь, где крестиками помечал уходящее время, отсчитывая дни до даты своей казни. Но надежда упорно не желала умирать. Каждый вечер он выкатывал из гаража новенькую немецкую иномарку, чтобы выжать газ до пола и нарезать круги по безлюдной в это время окружной трассе, один за другим, повторяя: «Шла Саша по шоссе и сосала сушку». Потом тормозил на опушке, доставал текст доклада и читал его с выражением. Получалось не очень. О том, чтобы сделать это без бумажки, не было и речи. Он думал о хитро спрятанной за лупой шпаргалке с микротекстом, о фонограмме выступления и о новейших очках с дополненной реальностью. Перед сном он представлял себя в мечтах ведущим популярного ток-шоу. Его речь лилась рекою, то плавною, то с перекатами. Каждый раз, когда он открывал рот, присутствующие в зале женщины ахали от удивления, дивясь мощи

его интеллекта, остроумию и обаянию. Чувство языкового превосходства опьяняло, приподнимало над остальными смертными, делало счастливым – увы, лишь в мечтах! ... Недавно он переехал в новый особняк в пригороде, но ни елки, ни сосны, ни бассейн, ни река не радовали.

«Хленово» – думал хмурый Кальценбоген на очередном randevу. Сложенные в корявые фразы слова сыпались из уст Святкина на голову профессора словесности как кирпичи из рушащейся кладки. Только успевай уворачиваться! Заместитель губернатора сам все понимал и чуть не плакал от отчаяния. Ведь уже завтра ему предстояло подняться на трибуну (как на Голгофу), неся за щекой свое чугунное наречие, и, встав за пюпитр, просунуть голову в круг света лампы как в окошко гильотины.

– Есть следствие помочь вашей беде. Не панацея, но...

– Всё что угодно, профессор! – взмолился Святкин, – Если надо, возьмите почку! ... Говна наемся, но не посрамлю!

Пока старик объяснял пациенту принцип действия спасительного «следствия», основанный на резком усилении мозгового кровообращения и активации центра речи, оно лежало горсткой таблеток на крупной ладони тщедушного козлотородача Кальценбогена, просвечивая красными крапинками сквозь нежно-фиолетовую кожицу. Казалось, от лекарства исходит сияние.

– Одна таблетка! – строго сказал профессор. – Только одна!

«Конечно-конечно», – бормотал Святкин себе под нос, усаживаясь в лимузин с «флаговыми» номерами. Кажется, замшелый языковед говорил что-то про побочные эффекты, но это не имело никакого значения. В кармане плаща лежала его, Святкина, индульгенция – заветная склянка с выведенным на этикетке латиницей приторно-аптекарьским *Intelectuamin*.

Отодвинув старомодную портьеру, Кальценбоген смотрел из окна, как машина замглавы субъекта РФ выехала на перекресток и, крикнув, проскочила на красный. Профессор покачал головой, еще разок пересчитал купюры и снял с рычага трубку телефона.

Поднимаясь на трибуну, Святкин чувствовал, что его сердце колотится также быстро как на том чемпионате мира, где он первый и единственный раз стал лучшим из лучших. Таблетки плавали в его желудке, растворяясь, смешиваясь с соками сильного организма. Зелье всасывалось кишечником и поступало в кровь, струившуюся по венам, сосудам и капиллярам, проникавшую в костный и головной мозг. Появилось чувство уверенности, которое нарастало с каждым шагом. И вот он, момент истины! Сотни лиц направлены на него! Святкин открыл рот и начал говорить...

... Очнулся он после слов «Спасибо за внимание». Как некогда спортивные трибуны издавали восторженный рев, порождая звуковую волну, сносившую голову иному дебютанту, битком набитый зал взорвался бурными продолжительными аплодисментами. В партере устроили овацию. Представители общества борьбы с геморроем аплодировали стоя... Это был грандиозный успех! Тот самый, о котором мечталось, который снился ночами в разных декорациях – в тоге на Римском форуме, на златом крыльце, в Колонном зале Дома Союзов... И вот он, сладкий миг триумфа, когда оратора несут на руках до самого пьедестала! ... Конечно, никто и не думал брать Святкина на руки, но рукопожатий в тот день было действительно много.

Время было позднее, поэтому заместитель губернатора понес внезапно свалившееся на него счастье домой, чтобы пережевать-пережить его в кругу семьи. Был вечер, в баре было виски...

– Как прошло? – безразлично спросила супруга.

Святкин развязывал шнурок и уже хотел, по обыкновению, ляпнуть в ответ что-нибудь обценное, задорно-неформальное, соленым перчиком раскрашивающее их приторно-мещанский быт, но вместо этого откашлялся и пафосно, чеканя слова, произнес:

– Очевидно, что важность общественных мероприятий продиктована временем. Когда в повестке дня появляется вопрос, связанный с неуклонным повышением качества жизни наших граждан, власть не имеет права оставаться в стороне и...

Очумевший Святкин звонко захлопнул себе рот ладонью.

– Святник, не будь букой! – обиженно сказала жена.

Сдерживая поток слов руками, он, как мог, сигнализировал ей глазами, но дура не понимала. Бросился к бару, сорвал сильными пальцами пробку с бутылки и сделал несколько больших глотков. ...Показалось, что отпустило. Но стоило только открыть рот, как:

– Здоровье – это счет в банке! Каждый смолоду должен заботиться о своей физической форме, памятуя о гражданском долге, об обязанности защищать Родину! Безответственное отношение к здоровью негативно сказывается на нашем потомстве, на генофонде нации! Можем ли мы позволить...

Речуга возникла сама по себе внутри его головы и, повинувшись неведомой силе, заставляла гортань и язык выстреливать в пространство слова-пули, рвавшие из организма наружу.

Почуввав недоброе, в детской заголосила крошка-дочь.

На непривычные звуки прибежал карапуз-сынишка:

– Пап, ты чё нах?

Святкин до синяков сжал губы пальцами. Он страшно боялся сказать что-нибудь плюшевое, чтобы не навредить ребенку. «Ему-то еще здесь жить!» ...Заперся у себя в ореховом кабинете и долго сидел, прислонившись спиной к стене, не отвечая на стуки, пытаясь придумать способ наступить на горло собственной песне...

Ближе к полуночи зазвонил телефон. Губернатор поздравлял с замечательным выступлением и приглашал завтра с утра к себе по делу («По большому»). Святкин утвердительно промычал в ответ.

Едва забрезжил рассвет, как замгубернатора покинул свое загородное имение с дворцом-тортом, украшенным по углам белокаменными башенками-безде. Буквально на днях они переехали сюда из неброского дома с сосенками. Новехонький черный кадиллак плавно входил в повороты. Личный водитель в униформе посматривал на начальство в зеркало заднего вида, но, как учили, во всю дорогу не произнес ни слова. Молчал и Святкин.

Губернатор встретил в дверях.

– Тоже ранняя пташка?! А почему круги под глазами? Праздновал? Оно того стоило! Молодчина! Так держать! Рад за тебя! Школа Кальценбогена-бль! ... Что молчишь как пенёк?

Святкин открыл рот и сощурился от страха:

– Безусловно, на текущем этапе нами были достигнуты определенные, имеющие локальное значение успехи. Однако надо признать и наличие проблем, необходимость решения которых ставит перед нами новые перспективные задачи, заставляет корректировать планы и повышает нашу ответственность за будущее, которое, как известно, всегда в наших руках!

– Ма-лад-чи-на! – заплодировал шеф. – Херачишь как по написанному-бль! Ну, выходи уже из образа...

– Каждый раз, когда общество достигает новой степени зрелости, власть обязана предпринимать шаги, направленные на самообновление, проторять дороги для новых позитивных тенденций и общественных стремлений, определяющих лицо нашей страны!

Губернатор нахмурился и сел.

– Ты на что намекаешь-бль?

Святкин испуганно замахал руками, вырвал лист бумаги из принтера, схватил с губернаторского стола ручку с золотым пером и размашисто написал: «ПАМАГИТЕ!»

Шеф склонил голову набок и с минуту молчал, улыбаясь каким-то своим сокровенным мыслям.

– Кальценбоген тебе таблетку давал?

Утвердительный кивок.

– Ты таблетку глотал?

Святкин закатил глаза, поднял лицо к небу и завыл – по-волчьи, как раненый зверь.

– Сколько?

Заплаканный зам поднял обе руки, будто решил сдаться на милость победителя, и пошевелил пальцами; потом лихорадочным движением сорвал с одной ноги туфлю и носок.

– Пятнадцать! – присвистнул шеф. – Я в первый раз пять штук сожрал... Не плачь, профессор меня предупредил!

В руках у губернатора появилась баночка – одна из тех, в которых женщины хранят свои кремы. Поддев крышку ногтем (она упала и покатила по полу), шеф быстро обмакнул пальцы в содержимое, сделал странные пассы руками и потер виски – сначала себе, потом своему заместителю, приговаривая при этом:

– Теперь самбль. Втирай круговыми движениямибль.

Святкин помассировал голову и почувствовал, как язык наливается привычной тяжестью. Ему стало спокойнее.

Он поднял валявшуюся крышечку и прочитал вслух:

– Дуравизин.

– Отечественныйбль, – пояснил губернатор. – Работает безотказнобль как АКМ.

В ушах у Святкина зашумело, а перед глазами поплыли спасательные круги. Он успел подумать о том, как хорошо, что на каждый импортный Интеллектуамин у нас есть свой отечественный Дуравизин. Потом все неожиданно встало на свои места.

– Ну как бль? – спросил губернатор.

– Ништяк нах! – со вздохом облегчения ответил Святкин.

Зазвонил телефон. Пора было заниматься государственными делами.

Исповедь

Я люблю этот храм. Он стоит на горе, на самой высокой точке в округе, откуда открывается великолепный вид: с одной стороны, на заснеженные поля, по краю которых виднеется темная полоса далекого леса, с другой – на деревеньку. Природа этого края скромна до аскетизма. Да и человек за прошедшие столетия сделал все, чтобы свести на нет березовые рощи, выловить рыбу в реке, катящей за холмом свои тяжелые медленные воды навстречу Волге. В последние годы в деревне растет яркой ягодной порослью коттеджная застройка. Мухоморно-карминовые, лазурные, салатовые, охряные, «бедрa испуганной нимфы» и «жженого кофе» стены и крыши новостроек смотрятся отсюда, с высоты, цветными пятнами стекляшек старого детского калейдоскопа, вываленными в серую, гармонично-аутентичную действительность. Экономную красоту природы быстро заменяет эстетика свалки, но все же вид с холма на деревню, шестьсот лет носящую имя татарского царевича, когда-то разбивавшего тут бивуак со своей бандой по пути от одного разграбленного населенного пункта к другому, греет мне душу чем-то безнадежно родным. Как пестрый бабушкин платок.

Храм легкий. В отличие от древних, намоленных, выстоявших в годы богоборчества, с пропитанными мУкой давящими каменными сводами, эта церковь на горе – новая, построенная по образцу древних русских «кораблей». По теплому срезу дерева, по шероховатой поверхности сруба взмывают невесомые высотные доминанты. Первая – честный параллелепипед, огромным спичечным коробком встающий за затейливо резным крыльцом, разрывается вдруг пустотами с повисшими, звонкими от мороза колоколами под дощатой, запирающей небо в колокольне крышей. Вторая, точно позади первой, растет из стен шестигранником, сужается кверху зеленой жестью и сходится в золотую маковку купола. Есть еще третья – луковка на бочке, стоящая на «корме», в одном ряду, как капитанская рубка за двумя «мачтами» храма-корабля, увенчанного горящими на солнце православными крестами. Сюда приходят люди, их следы видны повсюду. Они ежедневно старательно убирают снег, лишая духовный парусник его физически зримых волн, и тогда небо подергивается бесплотной пеленой и в бесплодной борьбе с людским рационализмом подсыпает новые порции снежной каши.

Храм маленький как будто детский. Минуешь корабельный нос с двойными шлюзами-дверьми (меж них живет смиряющий гордыню женского пола склад косынок и юбок до полу) и попадаешь в длинный, светлый в четыре окна холл, предвещающий залу у деисуса. Справа – общая вешалка для верхней одежды, скромные лавки и столик для желающих вписать имена покойных и болящих сродников в поминальные списки. Замечаю приметы времени: по бревенчатым стенам цивилизация шьет свои правила белыми уродливыми стежками проводов, кровит утробу тела-храма красным щитком пожарной сигнализации. Сразу за крайним окном в углу справа – огромная облитая золотом икона целителя Пантелеимона, рядом берестяная – Николая Угодника. Слева – прилавок, где принимают требы, меняют на деньги иконы, свечи и календари. Дальше – Распятие. Все близко, рядом, только руку протяни! Из глубины полукруглой залы глядят лики святых, Богородицы, Иисуса Христа. Добрые глаза вечности блестят белками – искрят позолотой утвари, подмигивают горящими свечами. Кажется, что в напоенном дымным ароматом воздухе спрессованы тысячелетия. Звучит древний язык богослужения, понятный интуитивно, хотя и не до конца. Язык предков, который здесь не барьер на пути смысла, а мостик в родное, где тебя, безусловно, ждут, где тебе рады всякому. Главное, прийти.

Крещеный, но не воцерковленный. Это обо мне. Я ничего не знаю о правилах, кроме самой малости, подсмотренной случайно, забравшейся в память впрок, помимо воли. Она из тех времен, когда в доме моей покойной прабабки стояла в красном углу крохотной кухонки

огромная, украшенная розами из фольги икона Николая Чудотворца, которую я, маленький, побаивался.

Юркая старушка делает знак, и я склоняю голову, подражая тем немногим богомольцам-прихожанам, стоящим рядом. Потом быстро отхожу от стены, освобождая дорогу молодому батюшке, щедро раздающему дымные ароматные облака. ...Солея, аналой, клир, причт, амвон, камилавка, епитрахиль – цепочка красивых старинных слов (значение большей их части мне неизвестно) всплывает прошлогодними листьями со дна взбаламученной памяти и ранит осколками полужнаний – свидетельством моей позорной церковной полуграмотности. Мне сложно, я не знаю, как спросить, не понимаю желаний других. Поэтому общаюсь знаками («Пройди сюда, зажги тут»). Я сейчас на одном уровне с этим трехлетним, шатающимся вокруг мамкиной юбки. Он прячется за край материи и улыбается мне, смешно загибая свой игрушечный пальчик. Может, его устами сейчас улыбается сам Господь Бог? Почему-то вспоминаю, как малыши делают в сугробе «снежных ангелов»: падают на спину и водят руками, печатая взмахи несуществующих крыльев. Я тоже когда-то давным-давно...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.